

— А какая живопись вас согревает? Какую музыку, литературу вы любите? — В живописи меня увлекает все талантливое. Мне близки наши русские художники, "глубокие" реалисты 17–18 веков. И в то же время я очень люблю художников, которые точно чувствуют форму. — Шагала, Кандинского. Мне близки Петров-Водкин и Филонов, Мемлинг, Брейгель и Босх... А, например, Жанну д'Арк я не смогла бы представить себе без картин художников средневековья. Эти миниатюры — изысканные по форме, красивые по цвету — удивительно точно передают атмосферу времени. Инквизиция. Страшные вещи изображаются с веселой проделкой бытовыми: человека сжигают на костре, а вокруг — улыбки, да и сам он как будто не относится к этому все-рьез...

Люблю Моцарта. Его гармония утешает. А в литературе... Знаете, я вдруг "заболела" Достоевским. Недавно был момент, когда мне совсем не хотелось читать — я даже этого испугалась. Ведь я воспитана на литературе, ребенком читала и под одеялом, с фонариком. И вот теперь, перечитывая "Преступление и наказание", я открыла такие глубины в Достоевском, о которых и не подозревала раньше. Боже мой! Как велико то, о чем он пишет, какие гениальные подробности, связанные с поведением, реакцией персонажей! Я горжусь, что живу на той земле, где жил Достоевский...

— Вернемся к фильму. Пробовали ли на главную роль другие актрисы, помимо Чуриковой? — Таню Теткинину я представляю себе совершенно определенной. Она видела мне нестандартной натурой, и на словах было довольно трудно передать, какой должна быть исполнительница этой роли. Работая над сценарием, я нарисовал ее портрет.

Понес продолжался долго. Одной из наиболее вероятных претенденток стала Надя Романова, студентка-первокурсница Ленинградского политехнического института. Ее, кстати, нашли по моему рисунку. Она и Инночке очень понравилась.

И.Ч. Когда я увидела снимок Нади: огромное море, голубые озера, — мне показалось, что это и есть Таня Теткина. Потому что лицо Нади было удивительным, прекрасным.

Г.П. Должен сказать, что тут, конечно, все решило умение и мастерство Инны. Нада, возможно, хорошо сыграла бы эту роль, — все, кроме финальной сцены с полковником. Там требовались актерские навыки, которыми Нада, естественно, не обладала, поскольку училась на инженера.

— Глеб Анатолевич, а как в вашей жизни появилась Инна Чурикова? Какой была ваша самая первая встреча?

— Признаться, актрису Чурикову я уже знал по кино: видел ее в "Морозко", "Старшей сестре"...

— То есть в характерных, комических ролях, которые не имели ни малейшего отношения к многоплановому образу в фильме "В огне брода нет"...

— Естественно, все это совершенно не ассоциировалось с тем, что я искал. Но как-то случайно я увидел молоденькую актрису в телеспектакле — она танцевала на каком-то школьном вечере. И вот в этой девочке я узнал свою Таню Теткинину! Кинула записывать фамилию исполнительницы, но титров уже не было (видно, прошли вначале) — а так и остался на душе со своим впечатлением от выразительности лица актрисы. Потом долго рассказывал об увиденном своим помощникам, но никто не знал, как ее найти. На телевидении, по крайней мере, в то время, было достаточно много неразберихи, и по нашим скудным сведениям восстановить название телеспектакля не мог никто. Концы были упущены.

Сценарий прочитал Роман Быков (я приглашал его на роль Комиссара, он тогда отказался) и сразу сказал мне: есть такая актриса — Инна Чурикова, обязательно вызови ее на пробы. Так как я очень ценю Ролана как актера и режиссера и его мнение для меня весомо, то я поручил ассистентам найти и пригласить Инну Чурикову.

И вот настал день, когда Геннадий Беглов объявил мне, что приехала Чурикова, и добавил: слушай, она немного смахивает на твой рисунок. Я вошел в комнату, где Инна

готовилась к предстоящей кинопробе. Справа сидело милое существо. Когда "существо" подняло голову, я узнал в ней ту самую девочку, которую видел в телеспектакле! И.Ч. Между прочим, поначалу Глеб пока-зался мне гораздо старше своих лет. Он был очень серьезен, сосредоточен. Но когда он начинал говорить, я заворачивалась. Его суждения, поступки казались нестандартными, были непонятными для меня. Я все время пыталась разгадать его. Наверное, я влюби-лась в него сразу.

— А как домашние отнеслись к тому, что Панфилов стал вашим мужем? — Всякое было... Это довольно непростая история...

— И все же сама судьба распорядилась так, чтобы вы обрели друг друга! Инна Михайловна, а у вас не было во время

съемок чувства страха? Ведь вы, актриса ТюЗа, вступали в совершенно новую полосу жизни.

— У меня дух захватывало от счастья, было огромное чувство радости, и я не думала о результате. Работа доставляла мне огромное наслаждение. У меня изменилась вся жизнь. Она как бы продвинулась вперед, время сме-стилось: либо я существовала в настоящем, либо в 1918-м году... Помню, когда картину показывали первый раз на "Ленфильме" (в зале — коллеги, работники студии), у меня так сильно билось сердце, что мне казалось: стук сердца заглушает звук картины. Я страшно боялась, что люди ничего не услышат, что не поймут моей роли.

Эта картина была для меня огромной школой. Потому что Глеб очень тонко чувствует правду и малейшую фальшь. Именно тогда я постигла для себя одну очень важную вещь: обязательно нужно все говорить — только своим голосом — таким голосом, может, не очень вырази-тельным, но обязательно своим — в меру того, что чувствуешь...

— Глеб Анатолевич, ваши фильмы всегда поэтичны и в то же время глубоко гражданствен-ны. А в вас самом не

был ли — пусть тайно, недо-го — дух диссидентства?

Г.П. У меня были свои мысли, и они не всегда совпадали с официальными. Стало быть, потенциально я мог считать себя диссидентом.

— Ну, а в творчестве вы как-то пыта-лись это реализовать?

— Знаете, ни о каком диссидентстве я не думал. Просто пытался выразить то, что ме-ня волновало. Скажем, волновала Таня Тет-кина, и я сделал фильм о ней. Фильм, кото-рый не вызвал особой радости у начальства. Но все равно был принят и, пусть со скри-пом, появился на экране.

И.Ч. Правда, уже после следующей нашей картины — "Начало".

Г.П. Как ни странно, фильм "В огне брода нет" показывали в Ленинграде, но запретили в Москве. Картина считалась антисоветской. Сейчас в это трудно поверить... Говорили: очень неоправданно одеты военные. Но ведь главное, что за этой бедной и подчас неоп-равданной одеждой скрывается, какие замечательные люди, какие сердца.

— У вас подобралась великолепная ак-терская команда. Для успеха картины, особенно дебютной, условие немаловаж-ное.

— Это действительно были люди из одного "санитарного" поезда. При всем разнообра-зии индивидуальностей они имеют нечто об-щее, их объединяющее.

И.Ч. Все актеры в этом фильме были для меня родными, уникальными, очень близки-ми людьми. Мне посчастливилось встре-титься и прожить этот участок пути с Мишей Кононовым, актером редкого, тонкого дара, искренним и озорным, с детским озарением и чувством трагического. Я хочу, чтобы он чаще снимался и был здоров.

Я полюбила Тольку Солоницына (комисса-ра Евстрикова). Ждала, когда он придет. Слушала каждое его слово...

Г.П. Для меня Толя Солоницын — особый актер. Мы с ним начинали в Свердловске: он — после театрального училища, а я, инженер, после политехнического института. Когда я решил снять короткометражный фильм "Дело Курта Клаузевица" по моему сценар-ию, то пригласил на главную роль Тольку. Я предложил его Андрею Тарковскому (тот собирался снимать "Андрея Рублева"), пока-

зал фотопробы из фильма. Он вызвал Тольку на пробы и утвердил. После этого — "В огне брода нет". Евстриков — персонаж с харак-тером Солоницына. Искренний, самоотвер-женный, честный. Толя не играл никого. Это он сам в предлагаемых обстоятельствах.

Михаил Андреевич Глузский... Он был моим любимым актером. То, как он сыграл есаула Калмыкова в фильме Герасимова "Тихий Дон", поразило меня. В моем первом полнометражном фильме Михаил Андреевич не только оправдал ожидания, но и превзо-шел их. Это щедрый человек, который де-лился со мной, дебютантом, своим огромным опытом, помогал в трудную минуту.

Талантливый Вадим Бероев, рано ушед-ший от нас... В картине была важная тема: художник и революция. Мы с Евгением Ио-сифовичем Габриловичем понимали, как сложно решить ее на экране. Ясно, что кар-тинки за исполнительницу может нарисовать настоящий художник. Но дело ведь не в том, каковы картинка, главное — раскрыть хара-ктер человека, художника по призванию. И вот в качестве профессионального художни-ка, фактически наставника Тани Теткиной, в фильме фигурирует Вася Мостенко в испол-нении Вадима Бероева. Роль небольшая, но чрезвычайно существенная. Должен при-знаться, что Вадима я знал раньше, и для ме-ня было ясно, что эту роль должен сыграть именно он. За Вадимом интересно наблю-дать, интересно его слушать... Бероев — ак-тер широкого диапазона, сыгравший в кино, к сожалению, гораздо меньше, чем он мог сделать.

— Мне особенно приятны ваши слова о Бероеве, поскольку в честь него родители назвали меня Вадимом.

Я всегда говорил Инне, что по индивиду-альности Бероев похож на великого ита-льянского актера Марчелло Мاستроянни. Он мог одновременно быть и красивым, и смеш-ным, и эксцентричным... Превосходный Вла-димир Кашпур, который подарил фильму песню и сам замечательно исполнил ее в сцене "Игра в карты"... А Майя Булгакова? Без нее невозможно представить наш фильм! Играла она спонтанно, стихийно — то, что нужно было для роли. Кстати, у меня были другие представления об исполнительнице. Но Инна Яковлевна Габрилович, жена Ев-гения Иосифовича, как-то сказала: чего вы ищете, когда есть Майя?

Хочу назвать еще одного актера, который

сыграл маленькую роль врача санитарного поезда, — это выдающийся актер Свердло-вской оперетты Анатолий Григорьевич Оле-нич. Я знал и любил его с детства. Он на-стояще поразило тогда мое воображение, что, поработав инженером и став, наконец, ре-жиссером, я вспомнил о нем. Поехал в Свердловск и добился его согласия...

— А как к фильму относятся ваш 14-летний сын? Дети сейчас проницательны по отношению к прошлому.

— Раньше он выключал телевизор, когда маму "убивали", начинал рыдать в финале картины "Начало", когда маму "сжигали" на костре...

— Ваш дуэт со стороны выглядит очень гармоничным. Вы и работаете так легко, спокойно, без конфликтов?

И.Ч. Думаю, да. Конечно. Это связь гар-моничная. Бывают разногласия, естествен-но. Но все-таки, скорее, это исключения из правил.

Г.П. Правда, на самой начальной стадии работы Инна бывает несогласна со мной, не понимая, почему я предлагаю ей эту роль. Скажем, так было с Вассой Железновой. Первая ее реакция — отказ. Какая я Васса? Вот Вера Николаевна Пашенная играла в Малом театре — это другое дело. Я не давил, стал объяснять. Во-первых, Васса — не Же-лезнова, это фамилия мужа, а она — Храпова. Вообще-то прототип Вассы — некая купчиха Кашкина, которая была очень мягкой по на-туре. Так вот это — ты. Потом напомнил, что у Лескова есть замечательное высказывание по поводу русского характера: русские — это тесто, но тесто топором не разрубишь. И это опять — ты. Мягкая сила.

И.Ч. После того как мы начали фантази-ровать, после того как я поняла, что Васса любит своего мужа единственной сильной любовью, что она любит свой дом, своих де-вочек, после того как мы стали слушать ро-мансы, которые слушала Васса, я сказала: давай попробуем.

— Горьковская Ниловна тоже, на пер-вый взгляд, далека от вашей индивиду-альности, Инна Михайловна.

— Вот тут как раз, пожалуй, больше природного совпадения с моим характером. Ниловна очень близка мне. Тем, что она простодушна, наивна, как ребенок. Тем,

Неделю. — 1993. — Март (№ 11). — С. 8–9.

...она прият-но поразило, насколько фильм "В огне брода нет" мощно и сильно звучит сегодня. Искрен-ность персонажей, их вера, чистота души — качества, которые сейчас все больше утрачи-ваются, но без которых нам не выжить. И все же прошло четверть века. У вас самих изме-нилось ли отношение к революционной теме, к героям, предстающим в фильме в романтиче-ском ореоле?

Глеб Панфилов. Знаете, к революцион-ной теме как таковой я всегда был равноду-шен. Мы делали фильм о людях, которые участвовали в революции, и в этом смысле старались показать интересных людей. Ко-нечно, изменилось мое отношение к руково-дителям революции и к тем, кто благодаря ей обрел власть. А вот к рядовым участникам я отношусь по-прежнему свято.

Дело в том, что у революции были пре-красные лозунги. Она обещала простым лю-дям хорошую жизнь. Поэтому не удивитель-но, что такие люди, как Таня Теткина, ком-миссар Евстриков, Вася Мостенко, отклик-нулись на ее призывы и жертвовали всем, в том числе и собственной жизнью, во имя, как приятно было говорить, идеалов рево-люции.

Такие люди украшают жизнь, они всегда востребуются в дни испытаний, будь то ре-волюция или война. Именно такие люди от-кликнулись и жили в Белом доме в августе 1991 года. Правда, прошло немногим больше года, а сейчас они уже не нужны. На аван-сцене — люди совершенно иного типа: де-ловые, целеустремленные, прагматичные. Ест-среди них и просто бесы. Впрочем, это у нас другая тема.

Инна Чурикова. Для меня этот фильм — не идеологический. Это фильм — о прекрас-ной душе. О святой душе. Таня Теткина оли-цетворяет любовь ко всему на свете: к че-ловеку, к животному, к человеку, к собаке, к к звездам. Любовь сочетается у нее с удив-лительным и состраданием. Когда второй ре-жиссер Геннадий Беглов привез мне сценар-ий и попросил прочитать сразу, в его при-сутствии, и тут же сказать, как я к этому сценарию отношусь, — я, помню, пошла на кухню, и только открыла первую страницу, как тут же погрузилась в этот замечатель-ный, неповторимый мир, с которым раньше

«Таня Теткина». Так ее нарисовал Глеб Панфилов.

мне не приходилось встречаться. Я плакала, смеялась и совсем забыла о Беглове. Я работала тогда в московском ТюЗе, иг-рала зверей — и домашних, и диких, людей не играла. Я поняла, что судьба протягивает мне руку, и мне необходимо познаться с ней. Г.П. Дожли годы, но мое отношение к фильму, к моей Тане Теткиной осталось прежним.

— А кстати, это персонаж реальный?

Г.П. Нет, выдуманный. У Евгения Габ-риловича в журнале "Красная новь" за 1939 год был опубликован рассказ "Случай на фронте". В библиотеке Союза кинематогра-фистов я вдруг наткнулся на этот рассказ, который меня поразило. Поразило настолько, что я мысленно все время возвращался к не-му и, наконец, понял, что это хорошая основа для фильма. Обратился к Евгению Иосифо-вичу. Он сказал: у меня времени нет, напишите писать сами. Я рискнул. Показал написанное Габриловичу. Ему понравилось. И тогда уже вместе, сидя друг против друга, мы дописали сценарий.

— Инна Михайловна, вы рисуете?

И.Ч. Рисую, но довольно редко.

— Революционный авангард художника Тани Теткиной вам близок?

— Да, близок.

МЯГКАЯ СИЛА

О себе Инна Чурикова и Глеб Панфилов рассказывают редко и неохотно. Возможно, они правы. У художника должна быть тайна, которую порой убивает чрезмерная доступ-ность.

Для программы 4-го Остан-кинского канала "Мотор!..." мы снимали сюжет, предвворя-ющий показ картины "В огне брода нет". Недавно фильму исполнилось 25 лет. Это пер-вая совместная работа Чурико-вой и Панфилова, их общее Начало. Кто знает, как сложи-лась бы не только личная, но и профессиональная судьба Ин-ны Михайловны и Глеба Ана-тольевича, удалось бы этим двум крупным художникам ре-ализовать себя в полной мере, не будь той знаменательной встречи.

Беседовали в "Ленкоме", в узкой, тесной гримерной Инны Михайловны. Пока устанавли-вались камера и свет, мы об-щались в коридоре. Аура доб-роты и обаяния, которую излу-чала Чурикова, подкреплялась открытостью и доверительно-стью Панфилова (мне всегда казалось, что у него совсем иной индидж — человека замк-нутого, сурового, жесткого). Позже Глеб Анатолевич при-знался: о том, как судьба све-ла его с Инной Михайловной, они поведали журналисту впервые.

что по природе не бунтарка и находится в гармонии с миром. Но любовь к сыну как бы перенесла ее в другой мир, и она пошла туда — тихо, скромно.

Материнская любовь составляет, мне ка-жется, смысл жизни каждой русской жен-щины. В этом плане мы отличаемся, наверно, от западных женщин. Там детей выпускают из родительского гнезда, как только они подрастают. А в России матери связаны пу-повиной со своими детьми до конца дней. Может, это даже и плохо.

— А вы когда-нибудь позволяете себе просто расслабиться, забыть о делах?

— Конечно. Знаете, для меня огромное счастье, когда я могу гулять по лесу, слушать лесную тишину. Особенно ранней весной, когда природа начинает чуть-чуть пробуж-даться, подтаивает снег, поют птицы. В эти минуты хочется побыть одной... У меня по-требность души — оказаться в лесу именно в эту пору. А если по каким-то причинам не удастся выбраться в лес, то год для меня не-полноценен...

Вообще, я обожаю путешествовать, но Глеб не очень любит менять обстановку, он домосед. Жизнь стала невероятной. Люди до сих пор не придумали ничего более "инте-ресного", чем воевать друг с другом, убивать своих близких. И в Гагре, и в Пизунде все разрушено, а мы так любим бывать там.

— Вместе на съемочной площадке, вме-сте на ретейциях, дома. Может, это и есть идеальная семья?

— Нам очень интересно вместе. Я даже не знаю, есть ли еще такие люди, как Глеб...

Вадим ВЕРНИК.